

ծովյուներ նոր ծաղկում ապրեց: XVII դ. վերջին թուրքական կառավարությունը քրիստոնյաներին շնորհեց որոշ արտոնություններ, որոնց թվում և եկեղեցական շինարարության ազատություն: Շատ շուտով այս արտոնությունների հետևանքները զգացվեցին: Հայերը իրենք դարձան իրենց արվեստների ու արհեստների հովանավորողներ: Այդ հաստատվում է արվեստի բազմաթիվ ու բազմազան առարկաների վրա եղած արձանագրություններով: Հասկանալի է, որ նման տնտեսական բարգավաճումը խթանեց նաև Քյոթաշյայի խեցեղործության զարգացմանը: Ինչպես նշվում է գրախոսվող գրքում, ամբողջ Մերձավոր Արևելքում ցրված են Քյոթաշյայի հախճապիկներով զարդարված բազմաթիվ վանքեր ու եկեղեցիներ: Երուսաղեմի Ս. Հակոբյանց վանքի հախճապիկների զարդանկարները օրինակ են ծառայել և Ստամբուլի Գո. Լուսավորչի եկեղեցու, Եֆեսի հայոց վանքի, Կայսերիի, Նիկողիայի, Սվասի, Յաֆայի և հենց Քյոթաշյայի եկեղեցիների սալիկների համար: Քյոթաշյայի խեցեղործները կատարել են նաև թուրք մեծահարուստների պատվերներ, սալիկներով զարդարելով Քոփրափուի հարեմի, Քյոթաշյայի Ալի փաշայի և Հիստրեյի մզկիթների պատերը: Մոտավորապես 800 սալիկ պատրաստվել է Անկարայի Հաջի Բայրամ մզկիթի, ավելի քան 100՝ Կոնիայի Նաքիրօղլու, Ստամբուլի Հաթիմ օղլի Ալի փաշայի մզկիթների, ինչպես նաև Այս Սոֆիայի հանրային զբոսայգիների ու մահմեդական աշխարհի բազմաթիվ այլ շինությունների համար: Ինչ վերաբերում է Քյոթաշյայի նրբարվեստ խեցե անոթներին, ապա պրոֆ. Քարաունյը նշում է, որ նրանք մեծ համբավ էին վայելում աշխարհով մեկ. նրանց մասին մեծ ոգևորությամբ են խոսում ֆրանսիացի հանապարհորդներն ու առևտրականները: Վերջապես, այն բազմազանու-

թյունը ու կատարման վարպետությունը, որը մեզ ներկայացնում է աշխարհի տարբեր թանգարաններում ու հավաքածուներում ցուցադրված Քյոթաշյայի խեցեղենը, ինքնին վկայում է այդ արդյունաբերության աշխուժացումն ու ծաղկումը XVII դարի առաջին կեսին:

Քյոթաշյայի խեցեղենը իր զարգացումը ապրեց նաև հետագա ժամանակաշրջանում, ընդհուպ մինչև XX դարը: Այդ մասին է խոսվում աշխատության IV գլխում, ուր նաև առանձին նմուշներ են ներկայացվում ևն մանրագին ոճական վերլուծության: Տարօրինակ է, որ այդ ժամանակաշրջանի որոշ առարկաների վրա նկատվում է շինական հախճապակու ազդեցությունը, քանի որ այն մեծ քանակությամբ ներմուծվում էր ինչպես Եվրոպա, այնպես էլ Մերձավոր Արևելք:

Այս հատորում ևս հիմնական գլուխներին հետևում են Երուսաղեմի Ս. Հակոբյանց վանքի զարդասալիկների մանրամասն կատալոգը և հավելվածները: Հավելվածներից մեկը, և թերևս ամենակարևորը, նվիրված է Քյոթաշյայի, Իզնիկի և Մերձավոր Արևելքի այլ կենտրոնների խեցեղենի ժամանակակից մեթոդներով կատարվող սպեկտոգրաֆիկ անալիզին, որը հնարավորություն է ընձեռում պարզելու տվյալ իրի ծագման վայրը:

Ուսումնասիրությունն օժտված է գրականության հարուստ ցանկով, որտեղ սակայն հայերեն լեզվով վկայակոչված գրականության մեջ երբեմն նկատվում են որոշ անճշտություններ:

Կուզենայինք ավելացնել, որ Պետական էրմիտաժում պահվող Իզնիկի ու Քյոթաշյայի խեցեղենի հարուստ ժողովածուի ընդգրկումով այս, առանց այդ էլ մեծարժեք ու խոր ուսումնասիրությունը թերևս ավելի կամրոջանար:

Լ. ԶԱԲԱՐՅԱՆ

C. TOUMANOFF. *Caucasia and Byzantium „Traditio“, 27, 1971, стр. 111—152.*

Кирилл Туманов — один из крупнейших современных американских специалистов по истории средневекового Кавказа, профессор университета в Джорджтауне, автор многих работ об Армении и Грузии. Рецензируемая статья, посвященная отношениям кавказских народов с Византией, имеет двойное значение. Во-первых, Туманов отказывается от традиционного представления о Кавказе как о сфере византийской политики и византийского влияния и прослеживает активную роль армян и

грузин в византийской истории (отметим попутно, что одновременно с работой Туманова был опубликован доклад советских ученых на XIV Международном византиноведческом конгрессе, где точно так же подчеркивалась активная роль населения восточных приграничных районов империи, их воздействие на социальную и культурную структуру Византии)¹. Во-вторых,

¹ З. В. Удальцова, А. П. Каздан, Р. М. Бартикян, Социальная

Туманов особенно настаивает на том, что население Кавказа (он предпочитает этот термин принятому у нас—Закавказье, поскольку для византийцев области Армении и Грузии не были За-Кавказьем) при всем его этническом, хозяйственном и вероисповедном многообразии обладало определенным социокультурным единством. Именно это армяно-грузинское единство и создавало возможность единообразного воздействия Кавказа на Византийскую империю.

Статья начинается с характеристики Кавказа (со включением Малой Армении), его политической структуры и политических взаимоотношений с Византией. При этом Туманов формулирует существенное различие в политических тенденциях Византии и Ирана по отношению к Кавказу, которое коренится, по его мнению, во внутренней структуре обеих империй. Иран, по словам исследователя, удовлетворялся установлением верховной власти (сюзеренитета), поскольку сама иранская монархия была ограничена двумя конституционными факторами—официально признанной аристократией и вассальными государствами, в то время как Византия, где власть василевса не подлежала конституционному ограничению, добивалась, как правило, аннексии (стр. 113 и прим. 7). Лишь на короткий период—с конца IX до конца X вв.—византийцы в силу определенных причин довольствовались протекторатом над кавказскими государствами (стр. 123). Впрочем, византийская агрессия осуществлялась и в этот период (стр. 126), а особенно эффективно—при «космократе» Василии II (стр. 127). «Космократизм», который Туманов называет «иррациональной политической теологией» (стр. 129, прим. 72), восторжествовал над «разумной политикой» при преемниках Василия II, что привело к разрушению лимитрофных государств Кавказа, к ослаблению восточных оборонительных рубежей империи и в результате этого—к разгрому при Манцикерте в 1071 г.

Думается, впрочем, что византийская

внешняя политика не может быть уместна в прокрустово ложе таких понятий, как «аннексия», «агрессия» и «космократизм» (последний термин, введенный Тумановым, двусмыслен потому, что в византийской лексике слово «космократор» было эпитетом дьявола); она была более гибкой, признавала систему вассальных княжеств (разного уровня зависимости)—в Южной Италии, на Балканах и в Северной Сирии. Аннексия армянских государств в X—XI вв. вытекала, таким образом, не непосредственно (или во всяком случае не только) из византийской «иррациональной политической теологии», а из конкретной политической ситуации того времени.

Однако центр тяжести исследования Туманова не во взаимоотношениях Византии и стран Кавказа, а в том, что историк называет отношением Византии и «кавказцев» (стр. 130). Он расчленяет эту проблему (относимую им к сфере внутренней жизни империи) на две части: 1) приток населения с Кавказа и роль кавказцев (прежде всего армян) в византийской элите (так я передаю английское слово *Leadership*) и 2) кавказское влияние на Византию.

Что армяне занимали важное место в составе населения Византии и особенно в армии—хорошо известно. Туманов идет дальше и определяет их количественное место; по его предположению, около 25% византийской армии IX—X вв. состояло из армян (стр. 131). К сожалению, он не сообщает, откуда почерпнута его цифра; он отсылает, правда, к книге П. Караниса, но в этой работе как раз подчеркивается, что мы не располагаем соответствующей статистической информацией².

В более благоприятном положении находится исследователь роли кавказцев в византийской элите. Мы располагаем сведениями об отдельных лицах и целых родах, можем проследить их административную карьеру, семейные связи, имущественное положение. В приложении к работе Туманов публикует два просопографических списка: 1) Армяне и грузины на высших военных постах в Византии при Юстиниане I; 2) Армяне и грузины на ви-

структура восточных границ Византийской империи в IX—XII вв. «XIVe Congrès International des études byzantines. Rapports». II. Bucarest, 1971, стр. 24—26.

² P. Charanis, *The Armenians in the Byzantine Empire*, Lisboa, 1963, стр. 20. Ср. стр. 32.

зантийской службе с конца VI в до 1056 г. В первом списке 25 человек, во втором—187. При этом сообщаются краткие сведения об учтенных лицах и даются ссылки на упоминающие их источники (изредка—и на литературу).

Значение просопографических данных для изучения элиты трудно переоценить, и Туманов делает тем самым первый шаг от метода примеров, которым оперировали исследователи до него, к попытке полустатистического обобщения. К сожалению, и список содержит серьезные погрешности, и его анализ оставляет желать лучшего.

Прежде всего, сведения Туманова о кавказцах неточны. Так, в Прилож. Аа2 фигурирует Иоанн Аршакуни со ссылкой на Прокопия (Bell. pers. 2.3.32 и Bell. vand. 4.24.1—2; 4.24.15). На самом деле у Прокопия идет речь о двух разных лицах: в «Персидских войнах» (кстати, это § 29, а не 32)—об *отце* Артабана, в «Вandalьских»—об одноименном *брате* Артабана. В Приложении В Кекавмен—дед (№ 156) ошибочно назван Григорием; № 169 именуется Цицикием, хотя уже Д. Моравчик показал, что в рукописи—Цоцикий (что соответствует написанию Джоджик в грузинских колофонах); Кондолеон Торник (№ 181) жил не при Константине VIII, а еще при Василии II; примерно до 1023 г. он был стратигом Эллады, а затем постригся на Афоне; Кринит (№ 183) был наместником Мелитина в 1065 г., т. е. уже после избранной Тумановым верхней хронологической грани; то же относится и к Махитарю (№ 182), адресату письма Пселла, писанного уже при Исааке I. Роман Склир (№ 185)—не одно лицо, под этим именем во второй четверти XI в. известен ряд омонимов. О некоторых учтенных Тумановым деятелях упоминают и другие источники: так, Рубен (№ 165) известен и составителю «Пир» 65.5 (издатель, впрочем, читает его имя Τρουβέντν, отмечая лишь возможность прочтения Ρουβέντν). Спорно, что Сахак Вахрам (№ 166) был начальником прошений или что Варазваче (№ 171), упомянутый в двух разных местах у Скилицы,—один персонаж. Далее, в списке много пропусков: нет, например, Григория Вихкаци, стратига Ларисы в 1006/7 г., Иоанча Куркуаса, катепана Италии в 1008 г., Михаила Куртикия, наварха в конце X в. (и друго-

го Куртикия, участника восстания 913 г.), Апокапа и его сына Василия, Кекавмена—писателя и его отца, Михаила, Феогноста и Самуила Вурцов—заговорщиков при Константине VIII, Романа Даласина, катепана Ивирии, Арменопула—полководца при Михаиле IV. Не включаются в этот список, как правило, иммигранты первого поколения, как-то: Пакуриан, Февдат и Ферс, Иоанн Торник и Иоанн Варазваче, Сенекерим Арцруни и его дети, а также такие полководцы, как Саргис Хайкази, Липарит или Гандзи.

Другой недочет списка состоит в том, что автор не отделил бесспорные армяно-грузинские семьи от таких, как Вурцы, Склиры, Даласины (сюда можно было бы добавить Цирифонов, вовсе отсутствующих в списке), армянское происхождение которых возможно, но не бесспорно. Следовало также продумать критерии, на основании которых то или иное лицо может быть отнесено к числу армян. Достаточным ли критерием, в частности, является имя Варда? Так, Варда, сын Либа (Липса) (№ 147), заговорщик против Романа II, зачислен в этот разряд только на основании своего имени.

Обработка списка в статье не дана, тогда как «вторичный источник» такого рода позволяет ставить интересные вопросы, а именно: на каких должностях и где по преимуществу служили кавказцы, в какие периоды их роль возрастала и уменьшалась? Если же расширить сведения об этих людях, можно было бы поднимать и другие вопросы, например: каковы были их семейные связи (только в своей среде или также с греками), какова была их обеспеченность землей, сколь значительным было их участие в мятежах и т. п.

Туманов не ставит этих вопросов, и его характеристика кавказско-византийской элиты строится не на им же составленном списке, а скорее на традиционных примерах. Он говорит об армянских родах в составе византийской элиты (стр. 134), но его список принципиально не отличается от данного в указанной уже работе Караниса; он говорит об армянах-узурпаторах и императорах и считает, что три династии [Ираклиды, Василиды (Туманов отвергает традиционный термин «Македонская династия») и Лакапины] были армянского происхождения (стр. 135). Впрочем, его

утверждение, что Лакапины были обедневшими князьями Габелянка (стр. 136), не находит подтверждения в источниках³, а представление о происхождении Василия I (стр. 136) от Мамиконянов (лучше было бы сказать в соответствии с источниками—от Аршакидов) во всяком случае не лишено легендарных черт и не многим более вероятно, чем возведение Фок к Фабиям или Сервлиев к римским Сервлиям.

Вопрос о роли кавказцев в составе культурной элиты (стр. 136 и сл.) должен решаться с большей осторожностью. Туманов не затрагивает новых и сомнительных теорий о грузинском происхождении Василия Великого и других «каппадокийцев», но готов принять довольно спорную гипотезу о тождестве Петра Ивира с Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Он называет Фотия и Льва Математика полуармянами. П. Каранис (в цитированной выше работе) более осторожно говорит о «частично армянском происхождении» обоих, подчеркивая при этом, что они были полностью эллинизированы. Вообще нам кажется, что играя огромную роль в рядах военной аристократии, армяне и грузины были гораздо меньше связаны с византийской гражданской администрацией, церковью и просвещением. В этой связи очень жаль, что Туманов не высказывает своего отношения к работам Р. М. Бартияна об армянской основе предания о Дигенисе Акрите.

Кавказское влияние на Византию Туманов прослеживает прежде всего в области архитектуры (стр. 137 и сл.). Самое интересное в статье, на наш взгляд, это представление автора о различии социальной структуры Византии и кавказских областей⁴. Из особенностей кавказских общественных отношений Туманов выводит ряд

новых явлений в социально-политической структуре Византии: фемную систему, рост «квазифеодальной аристократии» в Малой Азии и укрепление принципа легитимности императорской власти (стр. 139). Все это, по его мнению, возникало под кавказским влиянием.

Из названных трех пунктов наиболее правдоподобен второй: действительно, рост византийской аристократии происходил преимущественно в таких областях, как Каппадокия и смежные фемы на востоке и Фракия на северо-западе, в областях приграничных, с более «динамичной» социальной верхушкой, в условиях, требовавших большей самостоятельности и свободы от константинопольского бюрократического режима. В этот процесс было втянуто, однако, не только армяно-грузинское, но и греческое, славянское и прочее население империи. Кавказцы, несомненно, внесли свой вклад в становление византийской *poblesse*, но сомнительно, что византийскую «феодализацию» нужно сводить целиком к иноплеменному влиянию. В самом деле, если мы обратимся к крупнейшим аристократическим фамилиям IX—X вв. (Дуки, Фоки, Аргире, Склиры, Малены), то окажется, что ни одна из них не может быть причислена к безусловно армянским, во всяком случае греки в их числе преобладают. Собственно говоря, значительный приток кавказцев в ряды византийской аристократии совпадает со временем инкорпорации армянских царств, особенно с царствованием Василия II, т. е. со временем, когда в самой Византии уже вызревали предпосылки для соответствующих социальных сдвигов.

Еще менее правдоподобным представляются два других пункта. В самом деле, Туманов выводит фемную организацию непосредственно из системы экзархатов, а эту последнюю—из института «первенствующего князя», который был введен Маврикием в Ивирии в 588 г. (стр. 139 и сл.) и который существовал также в Армении, Лазике и Албании (стр. 120). Однако все, что мы можем констатировать, это известное сходство института «первенствующего князя» с системой экзархатов и фем (при весьма существенном различии, состоящем, в частности, в том, что экзархи и особенно фемные стратеги были краткосрочными и легко сменяемыми

³ Об основателе дома Лакапинов см. J. L. Van Dieten in: „Reallexikon der Byzantinistik“, R. A. Bd. 1, 2. Amsterdam, 1969, S. 1 f. Ван Дитен считает его армянским крестьянином. О его имени см. нашу рецензию: «Виз. врем.», 1972, 33, стр. 234, прим. 1.

⁴ См. об этом в кн.: А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика), М., 1972.

должностными лицами, а не пожизненными вассалами) — никаких оснований для того, чтобы возводить один институт к другому у нас нет.

Остается, наконец, принцип легитимизма. Хорошо известно, что Византия сохранила римскую систему ненаследственной монархии, что резко выделяло империю во всем средневековом мире, а не только отличало ее от кавказских государств. Постепенный переход к наследственности императорской власти мог осуществляться здесь под воздействием любого из соседей Византии, а еще скорее — в результате внутреннего развития. Туманов, правда, полагает, что принцип легитимизма внедряется в Византию армянскими царскими династиями: Ираклидами и «Василидами» (стр. 145), но этот тезис опять-таки не бесспорен. Тезис о легитимизме Македонской династии (кстати, сколь велика была «доля армянской крови» у Льва VI и его потомков?) выглядит не очень оправданным. Ее представители постоянно перемежались с Лакапинами, Никифором Фокой и Иоанном Цимисхием, при этом любопытно, что нарушителями принципа легитимности оказываются (случайно или нет) именно армянские деятели. Утверждение этого принципа связано с династией Комнинов (напомним, что последующие династии принимают имя Комнинов) и Палеологов, а их

греческое происхождение как будто не вызывает сомнений.

Короче говоря, предложенные Тумановым принципы исследования чрезвычайно интересны, плодотворны. Однако их конкретная реализация в статье оставляет желать лучшего: в одних случаях исследователь оказывается недостаточно осторожным (вопрос о кавказских влияниях), в других — недостаточно последовательным (в использовании просопографических данных).

И еще одно, последнее замечание. Избранная Тумановым верхняя хронологическая грань (середина XI в.) произвольна. Проникновение кавказцев в Византию интенсивно продолжалось и позднее: напомним о таких людях, как Хачатур или Филарет Вахрамий, о такой семье, как Аспиеты, об армянских полководцах при Мануиле I, об армяно-грузинских брачных связях Комнинов. Именно в XII в. определившиеся кавказские семьи (как Торники) играют заметную роль в византийской культуре, и можно вспомнить, что грузинская кровь текла в жилах Иоанна Цеца.

Как бы критически ни расценивать отдельные положения статьи Туманова, она имеет важное значение, намечая новую программу изучения связей Закавказья с Византийской империей.

А. КАЖДАН (Москва)

А. А. ХАЧАТРЯН и В. Н. АЙРАПЕТЯН. Экспериментальное исследование согласных фонем армянского литературного языка, Ереван, 1971, 324 стр., цена 2 руб.

В 1971 г. Издательством АН Армянской ССР была выпущена в свет книга А. А. Хачатрян и В. Н. Айрапетяна, содержащая результаты экспериментального исследования консонантизма литературного армянского языка, представляющая особый интерес для фонетистов-экспериментаторов, диалектологов и лингвистов широкого профиля.

Исследование А. А. Хачатрян и В. Н. Айрапетяна в известной мере является продолжением экспериментального (кинографического) изучения согласных, начатого Р. Ачаряном в Париже, часть результатов которого была опубликована в 1897 г. на французском языке.

Книга А. А. Хачатрян и В. Н. Айрапетяна является результатом многолетних опытов, проведенных авторами в лаборатории экспериментальной фонетики Института языка АН Армянской ССР им. Р. Ачаряна, а также в других лабораториях страны (в Таллине и Москве). Она состоит из введения, где определяются цели и задачи исследования, и трех глав: I. Методика исследования (стр. 12—37), II. Смычные согласные армянского языка (стр. 38—162) и III. Щелевые согласные армянского языка (стр. 163—283). Отдельно приводятся сведения о дрожащем сонанте *h* (стр. 268—283). Разделение по главам проводится на основании способа об-